

А. П. Медведев

**О НОВОЙ КНИГЕ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ
«ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ»
(М. : РГГУ, 2008. – 361 с.)**

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2012 г.

Считается, что уже четверть века историческая наука в России находится в состоянии глубокого кризиса. Это так и не так, если хотя бы посмотреть на количество интересных работ, которые ежегодно выходят из-под пера российских историков. Да и в кризисном состоянии нашей современной науки, если не брать во внимание ее организационный и особенно финансовый аспект (а это особая печальная тема), ничего плохого в общем-то нет, так как «кризис» в переводе с древнегреческого – это прежде всего «суд», «судебное разбирательство», «переоценка» того, что делалось раньше. Более того, это вполне естественное состояние любой науки периодически пересматривать свои основания, только я бы еще добавил – *естественное* в нормальной стране. Мы хорошо помним, что никакого кризиса в официальной советской исторической науке не было в 30–70-х годах прошлого века. И когда он вдруг наступил в первые же годы перестройки, то стал восприниматься многими, если не большинством российских историков, как катастрофа. На это были свои объективные и субъективные, внешние и внутренние причины. К числу последних, безусловно, следует отнести тот бесспорный факт, что советская историческая наука более полувека практически изолированно развивалась – в стороне или параллельно – от мирового исторического мейстрима*. Поэтому в нашей стране с конца 80-х годов на вполне естественный «мировой» кризис исторической науки, вызванный «лингвистическим переворотом» и постмодернистской атакой на базовые основания истории как науки [1, с. 41–51], наложился еще и наш мировоззренческий, идеологический, ментальный кризис, точнее, вакуум, связанный с утратой советскими историками «единственно правильной марксистско-ленинской теории исторического процесса». Кажется, он сильно затянулся – не только второе, а, пожалуй, уже и третье поколение российских историков начинает свой путь в науку, переживающую, так сказать, кризис в квадрате.

* Разумеется, и в ту пору были исключения: в антиковедении (С. С. Аверинцев), в медиевистике (А. Я. Гуревич), в изучении российской истории до 1917 г. (А. А. Зимин и др.). Но, к сожалению, не они определяли общий уровень советской исторической науки.

© Медведев А. П., 2012

Однако в последнее время появляются и обнадеживающие признаки – выход в свет серии фундаментальных работ по теории истории [2–6 и др.]. Один из них я вижу в творчестве Ольги Михайловны Медушевской – ключевой фигуры в развитии отечественной методологии истории [6, с. 37]. Исследовательница попыталась сформулировать новую концепцию исторической науки, которую она предложила решать в рамках так называемой когнитивной истории. Ниже речь пойдет о ее последней фундаментальной монографии, к сожалению, изданной уже посмертно [7]. В ней исследуются природа исторического познания, отношение исторического знания к ушедшей реальности, условия его достоверности и истинности и многое другое. Эта книга позволяет по достоинству оценить вклад О. М. Медушевской в разработку теории современной отечественной исторической науки, в первую очередь в области исторического источниковедения.

При чтении книги прежде всего вызывает симпатию то обстоятельство, что О. М. Медушевская рассматривает историческую науку в единстве с другими гуманитарными дисциплинами. При этом она исходит из понимания современного гуманитарного знания как строгого, научного, поддающегося объективному изучению [7, с. 11]. В фундамент ее философской концепции положена категория человеческой деятельности, свойственной роду Homo на всех этапах его истории. Эту категорию в своих исторических рассуждениях принимали за основу разные мыслители, начиная от Аристотеля и кончая К. Марксом с его многочисленными последователями в XX в. : «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, с. 102]. О. М. Медушевская не ссылается на основоположника материалистического понимания истории. Она придерживается подхода к истории, близкого феноменологии Э. Гуссерля, который рассматривал феномен человека именно как творца интеллектуального продукта [7, с. 13–14]. Но суть дела это не меняет.

В основу концепции книги О. М. Медушевской положено теоретическое осмысление того факта, что исторический источник всегда является продуктом культуры, объективированным результатом деятельности человека. И в этом смысле последний высту-

пает как единый объект различных гуманитарных наук при естественном разнообразии их предмета. Исходя из этого принципа, О. М. Медушевская определяет историю как знание о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом была связана [7, с. 14]. История понимается ею как дисциплина, изучающая результаты человеческого мышления и деятельности в развитии, во времени.

Я не случайно остановился на исходном положении концепции О. М. Медушевской. Оно представляется принципиально важным для развития методологии современной российской исторической науки в области источниковедения, способным снять главный и наиболее опасный для историков тезис постмодернизма: «*Нет ничего, кроме текстов*» [9, с. 313]. Сама установка постмодернистского историописания только на тексты свидетельствует о подспудном желании отрезать исторические реалии от корней, которые они имели в прошлом. Если историки будут следовать этому тезису, то им, как и филологам, останется лишь одно занятие – при помощи дискурсивного анализа реконструировать «*прошлое как единый, многоструйный поток текстов*» [10, с. 12]. Кажется, «деятельный» подход к истории позволяет легко преодолеть это надуманное противоречие современной исторической науки. Убедительность концепции исторического познания О. М. Медушевской состоит в том, что она не просто предлагает объяснение явлений и процессов в прошлом и современности, но и выстраивает доказательные критерии проверки достоверности (и, что не менее важно, недостоверности) получаемого знания [11, с. 9–36].

Справедливости ради надо отметить, что еще раньше – в 70–80-х годах прошлого века – подобный подход к истории активно развивал известный археолог В. Ф. Генинг [12]. Творчество, креативность как важнейший атрибут человеческой деятельности с последующим опредмечиванием значительной части ее результатов признают многие современные историки, философы, культурологи. При взгляде на историю в таком ракурсе исследователь прошлого должен заниматься прежде всего тем, что и как люди делали, а не только тем, что они об этом говорили или писали (пресловутый исторический дискурс). Ранее такого подхода к познанию истории придерживались главным образом археологи, имеющие дело с материальными остатками деятельности многих поколений людей. Теперь в книге О. М. Медушевской мы, пожалуй, впервые встречаем точно такой же подход, сформулированный историком, стоящим на совсем иных методологических позициях и опирающимся на иные источники.

Поэтому не случайно О. М. Медушевская много страниц посвятила понятию вещи как основному

информационному ресурсу для изучения исторического процесса [7, с. 25–121]. Исследовательница пишет, что человек, приспосабливаясь к окружающему миру, «вынужден постоянно изобретать, т.е. создавать вокруг себя, иной, ранее не существовавший мир, и это – мир вещей» [7, с. 28]. Именно вещь рассматривается О. М. Медушевской как своего рода медитатор между прошлым и настоящим и в этом смысле является основным источником для изучения исторического процесса. Действительно, разнообразные вещественные остатки (а к ним относятся и тексты на любом материальном носителе) составляют надежную эмпирическую базу исторической науки в самом широком смысле слова.

В связи с этим нельзя не затронуть еще одну важную проблему, с которой сталкивается каждый историк, по крайней мере при защите диссертации. Это вопрос о предмете и объекте исторического исследования, который в нашей науке не получил однозначного решения. Чаще всего соискатели ученых степеней различают предмет и объект исследования ... по размеру – в том смысле, что объект обычно рассматривается шире, чем предмет, например: объект исторических исследований – это совокупность всех человеческих обществ, а предмет – это конкретное общество с момента его возникновения до момента исчезновения [13, с. 2–15; 14, с. 42–45; 15, с. 5–25]. Правда, иногда встречаются и обратные определения, где предмет шире, чем объект. Причина путаницы понятна – ведь слово «объект» (*objectum*) по латыни, собственно, и означает «предмет», противостоящий субъекту познания.

Мне представляется, что в книге О. М. Медушевской сложнее всего вопрос о предмете и объекте в исторической науке рассмотрен с исчерпывающей полнотой и ясностью, но главное в другом – ее подход обоснован гораздо основательнее, чем у ее предшественников. На ее взгляд, предметом исторической науки является вся исторически сложившаяся совокупность человеческой деятельности. А последняя воплощает себя в той или иной степени в окружающем мире в форме вещей. Человек создает материальный продукт, и, если этот продукт сохраняется, он несет информацию о мире людей той эпохи, когда он был создан. Он-то и является «объектом» исследования историков, как, впрочем, и других гуманитариев – это наблюдаемая и обладающая относительной стабильностью часть былой реальной действительности, на которую направлена активность познающего субъекта. Важно, что объект исторического исследования материален, стабилен, эмпиричен, поэтому доступен сознанию историка [7, с. 244–246, 295]. Это и есть для нас исторический источник.

«Предмет» когнитивной истории есть тот процесс, в ходе которого человеческий интеллект, функ-

ционируя, создает адекватный своему уровню продукт в науках о человеке, пишет О. М. Медушевская. Познание этого процесса, а через него – и феномена мышления, и есть предмет когнитивной истории [7, с. 129]. Таким образом, предмет исследования всегда имеет непосредственную связь с изучаемым объектом, тогда как объект исследования предполагает известный выбор из той целостности, где данный культурный объект существовал в прошлом. В таком диалектическом единстве О. М. Медушевская предлагает решать вопрос о соотношении предмета и объекта в историческом исследовании. На мой взгляд, и в этой области исследовательницей внесен существенный вклад в разработку важнейшей гносеологической проблемы познаваемости исторического процесса. Замечу, что предложенное ею разграничение объекта и предмета исследования хорошо корреспондирует с новейшими исследованиями в области научной эпистемологии [16 и др.].

Как представляется, разработанный О. М. Медушевской подход позволяет снять еще одну проблему исторической науки о соотношении истории дописьменных и письменных обществ, так как обмен информацией через вещи является общечеловеческой познавательной ситуацией. Этот тип информационного обмена и в письменную, и в любую последующую эпоху для всех без исключения человеческих сообществ в равной мере остается базовым [7, с. 265]. Разумеется, письменные и вещественные источники имеют существенные различия, которые проистекают из самой природы содержащейся в них информации и формы ее хранения [17]. Они различаются и содержательно. По этой причине «доистория» изучает прежде всего *историко-культурные процессы* преимущественно по археологическим источникам (останки людей вместе с уцелевшей частью окружавшего их «мира вещей»), тогда как нарративные источники («тексты») позволяют гораздо лучше осветить *событийную сторону исторического процесса*.

При внимательном прочтении книги О. М. Медушевской возникает еще один нерешенный вопрос о соотношении объекта исследования и его источниковой базы. При том подходе, который развивает автор и который мною в целом разделяется, объект исследования и источниковая база во многом совпадают. Кажется, здесь есть над чем подумать диссертантам, особенно при формулировании соответствующих разделов авторефератов их диссертаций.

Отдельная глава книги посвящена современному историческому образованию в условиях смены научных парадигм. О. М. Медушевская изложила свое видение новой образовательной модели, базирующейся на познавательном методе. Ее основным

содержанием может стать стратегия добывания нового знания [7, с. 314]. Однако вряд ли эта модель может быть в полной мере реализована в нашей стране при насаждаемой сверху двухуровневой системе образования – в программе подготовки бакалавров истории исследовательское начало сведено к минимуму, а научная специализация вообще упразднена.

В книге О. М. Медушевской рассматриваются и другие весьма животрепещущие темы исторического познания и образования: о специфике исторического нарратива, типах современных историков и типах исторического знания, смене научных парадигм, источниковедческой стратегии, структуралистском методе в истории и др. Здесь читатель найдет немало свежих мыслей, которых подчас так не хватает университетским историкам, работающим со студентами. В книге имеется указатель основных понятий, которые использовал автор при изложении своей концепции.

Монография О. М. Медушевской обречена стать настольной книгой не только для историков, но и для всех гуманитариев, интересующихся проблемами исторического познания. Процесс ее осмысления историками только начинается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведев А. П.* «Постмодернистский вызов» истории : ответ археологии / А. П. Медведев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. – Сер.: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2007. – № 1.
2. *Любарский Г. Ю.* Морфология истории : сравнительный метод и историческое развитие / Г. Ю. Любарский. – М., 2000.
3. *Копсов Н. Е.* Как думают историки / Н. Е. Копсов. – М., 2001.
4. *Савельева И. М.* История и время : в поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 1997.
5. *Савельева И. М.* Знание о прошлом : теория и история / И. М. Савельева, А. В. Полетаев : в 2 т. Ч. 1. Конструирование прошлого. – СПб., 2003.
6. *Шмидт С. О.* Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института / С. О. Шмидт // Когнитивная история : концепция – методы – исследовательские практики : чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. – М., 2011.
7. *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М., 2008.
8. *Маркс К.* Святое семейство / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 2.
9. *Деррида Ж.* О грамматологии / Ж. Деррида. – М., 2000.
10. *Эткинд А.* Новый историзм, русская версия / А. Эткинд // НЛО. – 2001. – № 47.

11. Казаков Р. Б. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской / Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева // Когнитивная история : концепция – методы – исследовательские практики : чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. – М., 2011.

12. Генинг В. Ф. Объект и предмет науки археологии / В. Ф. Генинг. – Киев, 1983.

13. Келле В. Ж. Теория и история : (проблемы теории исторического процесса) / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. – М., 1981.

14. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 1987.

15. Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М., 1984.

16. Микешина А. А. Философия науки / А. А. Микешина. – М., 2005.

17. Клейн Л. С. Археологические источники / Л. С. Клейн. – Л., 1979.

Воронежский государственный университет

Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира

E-mail: APM1950@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 239-29-35

Voronezh State University

Medvedev A. P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: APM1950@yandex.ru

Tel.: 8(473) 239-29-35